

Василь Быков — характеры и обстоятельства

Если бы мне предложили охарактеризовать прозу Василия Быкова одним словом, я бы сказал: определенность. Все повести его устремлены к единой и общей цели. Они бытуют в ней, как пули классного стрелка в «яблочко» мишени. Разброса почти нет — повесть перекликается с повестью, словно накладывается одна на другую...

Они — существеннейшее звено так называемой «второй волны» военной прозы, связанной в нашем сознании с именами Юрия Бондарева, Константина Воробьева, Юрия Гончарова, Григория Бакланова, Владимира Богомолова, Виктора Астафьева и многих других... Всем этим писателям свойственно стремление дать своих героев крупным планом, акцентировав внимание на их психологической глубине и неоднозначности. Определяются корни человеческого поведения в условиях и при законах войны — **путь к подвигу** и личностная, внутренняя его обеспеченность. Пытаясь ответить на вопрос, почему на войне одни оказались сильными и внутренне прекрасными, а другие — духовно слабы и несостоятельны, писатели эти обязательно выходили к самому «ядру» человека, к основе его сути и характера... Тот же «почерк» и у прозы Василия Быкова.

Уже первые его повести, «Журавлинный крик», «Фронтальная страница» и «Третья ракета», сказали читателю, что в отечественной военной прозе (тогда еще общей, без пограничных кордонов!) появилось новое и яркое имя. В них явственно присутствовало то, без чего подлинный и самобытный писатель немислим, невозможен. Была и ощутимо вызвала к сознанию и чувству современника личностная авторская позиция. Быков утверждал, что героизм, доблестное и стойкое поведение на полях сражений определены, замешаны на внутреннем человеческом «я», на воззрениях и принципах людей, «шкале» их взаимоотношений с миром... Разговор шел о личном моральном кодексе человеческого.

В повестях этих перед каждым героем, поглощенным гигантским и неумолимым омутом войны, вставал вдруг свой гражданский и солдатский долг, свой социально-нравственный выбор. Он отделял силу и стойкость от слабости и шкурничества, прекрасное и высокое — от низкого и гнусного... Многозначительная триада, сформулированная одним из героев «Третьей ракеты». На войне человек словно сбрасывает с себя все наносное — «остается только его сущность — вера, совесть, человечность».

«Кто чреват предательством — предает», — утверждали эти повести... Быков резко обозначил в них **контуры** того, что впоследствии будет **исследовать** его проза. Результат словно опередил анализ: мы видели готовые, сформировавшиеся кристаллы характеров, а вот последовательное проследование роста их граней было еще впереди.

Оно последовательно, «наследующее» проходило у Быкова через повести «Атака с ходу» и «Круглянский мост»... В первой из них был явно неоднозначен, открываясь постепенно, характер Гриневича; во второй внутренне рос и мужал на наших глазах юный партизан Степа Толкач. Мы видим в повести «дистанцию», которую герой проходит. В ней есть первичная данность, есть финал и само «прохождение» — углубление сознания героя, определение им собственных принципов и представлений...

Рост и мучание характера. В конце повести Степа отнюдь не тот импульсивно действующий подросток, которого мы видели на первых ее страницах, — история у Круглянского моста глубоко переплелась и закалила его душу, сознание и совесть.

«Сотников», одна из лучших вещей Быкова... Повесть напоминала разделенный лист, на котором Сотников и Рыбаку, давшим главным ее героям, было выделено по «колонке». Они все время сопоставлялись, сравнивались, и это предельно внимательное, внутренне очень точное сличение составляло саму суть и прин-

цип избранного автором повествования.

Можно взять любой момент, произвольно выбрав его из той части повести, где партизаны уже в плену, и мы увидим, что внутренний мир Сотникова, его духовное «я» везде абсолютно свободно. Изоляция плена тут не властна — чувство нервующей связи героя с «людьми и страной» разрушает ее... Рыбак же, в силу особенностей своего сознания, вовсе лишен такого преимущества. «Взамен» он владеет одним животным страхом за собственную жизнь — отдельную, ни с кем и ни с чем не связанную, опустошительно одинокую.

Отсутствие акцентированного «злодейства» в герое (вспомним, например, Сахно из «Мертвым не больно»), обычность, «заземленность» Рыбака еще резче подчеркивают мысль о безмерности душевных усилий, необходимых для проявления Сотникова в Сотникове. Ведь и в нем, как в каждом человеке, есть свой Рыбак... Есть плоть, обычная, небезгрешная, страдающая от боли и уж, конечно, тоже боящаяся смерти, желающая жить. Но... Есть кое-что посущественнее, весомее. Есть «какие-то

Герой совершает в повести то, чего не совершить не может. Перед нами вновь категоричность, непреклонность личностного социального и нравственного императива, заставляющая поступать только так и никак иначе, рожденная чувством связи с окружающими... «Волчья стая», рассказывающая о противостоянии человеческого с античеловеческим, антигуманистическим, выходит к естественному и очень существенному финалу — **становлению личности**, обогащению и закалке ее характера, сумевшего встать выше сил обстоятельств... К росту цельного и неподатливого на излом кристалла.

Брать ответственность на себя, а не прятаться за чужие спины... Эта дорогая для Быкова мысль прозвучала и в повести «Его батальон». Пожалуй, до нее среди произведений этого писателя еще не было такого, столь подробно говорящего о рядовом и основном участнике войны — обычном пехотинце. «Его батальон» явно стремится вобрать в свой текст если не все из этой судьбы, то, по крайней мере, главное. Повествование, как почти и всегда у Василия Быкова, очень непротяженно во времени

(менее суток), но охватывает узловые, предельно важные для жизни и судьбы солдата моменты. Среди них — подготовка к атаке, тревожное ожидание ее и кровавая, страшная вспышка боя, за которым — с трудом вырванная победа, взятая высота и вместительная братская могила на ее склонах.

В «Его батальоне» война стала основой, внутренним средоточием произведения, вобрав в себя «всю необъятность солдатского лиха...». Повесть недаром носит такое название — в ее тексте подчеркнута стерта грань между воинским подразделением, доверенным Волошину под начало, и тем, без чего он просто не мыслит своего человеческого существования: «... его батальон давно уж был его домом, его крепостью и пристанищем — другого для себя пристанища на войне он не знал». Двойная расшифровка слов «его батальон» делается ядром идеи повести — в ней невозможно отделить «ролевое» в поведении и поступках Волошина (положение командира) от внутренней сути героя.

Налицо слияние ролевого и личностного. Именно оно, по сквозной для творчества Василия Быкова мысли, способно обеспечить и поддерживать стойкость человеческого духа, определяя, подготавливая почву для выбора, поступка, подвига... Этим слиянием были сильны, непобедимы защитники железнодорожного переезда в «Журавлином крике», Тимошкин во «Фронтальной странице», Желтых и Лозняк в «Третьей ракете», Сотников в одноименной повести, Мороз в «Обелиске», Ивановский в «Дожить до рассвета».

Им же силен и Волошин из «Его батальона»... «Он не мог так просто и вдруг выбросить из своей души эту сотню людей. Только с ними он мог оставаться собой, командиром и человеком, **без них он терял в себе все**» (подчеркнуто мной. — И.Ш.).

На последней странице повести мы видим «справку из архива», в которой сказано, что «Герой Советского Союза майор Волошин Николай Иванович убит 24 марта 1945 года» в Восточной Пруссии... Не заключается ли в этих немногословных и по-официальному сухих строчках кульминационность судьбы Волошина, дошедшего почти до конца войны, освободившего свою землю и многие другие от страшного ига фашизма, умерев за это?

Жизнь и смерть Волошина продолжает судьбу и подвиг всех прошедших перед нами лучших, любимейших героев повестей Василия Быкова... Они, защищая независимость и будущее Родины, отстаивали тем самым свободную и гордую красоту своего человеческого «я», его стойкость и целостность.

Ведь кристалл — нерасчленим... его можно раздробить, уничтожить, но разять — нельзя.

Игорь ШТОКМАН.

